

Глава 52. Принятие

Цао Цзюнь, казалось, ждал целый век, сердце Го Цяо также было в состоянии войны, наконец, он все же положил коробку в карман: "Хорошо".

Улыбка расплылась по лицу Цао Цзюня, а его беспокойное сердце наконец-то улеглось.

Когда они сели в машину, Цао Цзюнь протянул руку Го Цяо, тыльной стороной ладони вверх.

Го Цяо посмотрел на него, и вернул ему коробочку.

Цао Цзюнь улыбнулся, взял коробочку, открыл ее и достал одно из колец, взял руку Го Цяо и надел на безымянный палец левой руки кольцо, оно было подходящего размера, а второе передал Го Цяо: "Надень его мне".

Го Цяо посмотрел на кольцо на своей руке, затем на Цао Цзюня, но в конце концов взял кольцо и надел его на безымянный палец левой руки Цао Цзюня, тот поднес кольцо ко рту, поцеловал его и улыбнулся.

Уголок рта Го Цяо тоже слегка изогнулся: "Поехали, давай".

Цао Цзюнь внезапно открыл дверь машины и сказал: "Мы пили, возьмем такси".

Ночной ветер был прохладным, неоновые огни мигали, это была холодная и оживленная ночь, но холодный ветер не мог охладить два теплых сердца.

Когда Цао Цзюнь сделал два шага вперед, он не мог не оглянуться на Го Цяо, его сердце сжалось, он никогда не думал, что однажды Го Цяо будет носить его собственное кольцо. Ему очень хотелось схватить Го Цяо за руку и объявить всему миру, что этот человек принадлежит ему.

Го Цяо шел рядом с ним и заметил, что тот то и дело оглядывается на него: "Что ты делаешь?".

"Смотрю на тебя", - Цао Цзюня отвернулся, затем остановился: "Го Цяо, пойдём споем".

Го Цяо проследил за его взглядом и, повернув голову, увидел на обочине дороги большую вывеску с тремя огромными буквами KTV, которые ярко светились, Го Цяо улыбнулся: "Ты умеешь петь?".

Цао Цзюнь ответил: "Конечно, немного".

Го Цяо громко рассмеялся: "Ладно, давай". Обычно Цао Цзюнь не позволял ему петь, даже если он хотел, но сегодня тот сам проявил инициативу и захотел спеть, так что как он мог отказать.

Поэтому они вдвоем поднялись наверх и выбрали отдельную комнату. Го Цяо подошел к столу заказов: "Какую песню ты знаешь? Ты поешь первую песню".

Подошел Цао Цзюнь, он редко бывал на таких мероприятиях, но эти вещи несложно освоить, и, посмотрев на них, сказал: "Первая песня, песня на день рождения для тебя." Первой песней, конечно же, была "Happy Birthday to You".

Цао Цзюнь взял микрофон и встал посреди комнаты лицом к Го Цяо: "Сегодня у моего любимого Го Цяо день рождения, поздравляю тебя с днем рождения, дорогой! Каждый год и каждый день в будущем, будь так же счастлив, как сегодня, и будь со мной".

Зазвучала знакомая мелодия, Цао Цзюнь обернулся, посмотрел на экран и начал петь: "С днем рождения тебя!" Как только он открыл рот, он немного сбился с ритма, и Го Цяо засмеялся, но Цао Цзюнь был очень серьезен и пел, повернувшись, чтобы смотреть на него, настаивая на исполнении мелодии, чтобы закончить песню.

Го Цяо захлопал в ладоши и зааплодировал: "Спасибо!".

Цао Цзюнь подошел и поднял руку, чтобы вытереть пот со лба: "Эй, первое соло я посвящаю тебе".

"Для меня это большая честь". Го Цяо громко рассмеялся и придвинулся, чтобы поцеловать его в щеку, но как только официант толкнул дверь, чтобы подать напитки, лицо Го Цяо мгновенно превратилось в вареную креветку, и он поспешно отвернулся, чтобы люди не видели его лица.

Официант был немного удивлен, но он привык к этому и очень спокойно поставил напитки, а также скромный торт, также специально заказанный Цао Цзюнем: "Приятного аппетита, господина". Затем он вежливо удалился.

Цао Цзюнь громко рассмеялся и бросился обнимать Го Цяо: "Цяо Цяо, ты слишком милый". Он крепко поцеловал его в щеку.

Го Цяо пытался вырваться из объятий Цао Цзюня: "Прекрати, пора петь". Голос Го Цяо был типичным баритональным голосом, и как только он открыл рот, он взорвал мозг Цао Цзюня, так красиво он пел.

Го Цяо уставился на экран и тщательно закончил песню, затем повернул голову к Цао Цзюню и сказал: "Не беспокойся о тексте, просто читай и пой, спасибо за твою любовь".

Цао Цзюнь встал, подошел к Го Цяо, раскрыл объятия, крепко обнял его и поцеловал в щеку: "Спасибо, очень приятно слышать".

Го Цяо увидел, что он встает с хорошими чувствами, оттолкнул его, выбрал несколько песен и сказал: "Давай, подпевай". На экране телевизора высветились слова "Бедные и счастливые", "Можешь это спеть?".

Цао Цзюнь ответил: "Разве это не просто речитатив, я могу". Тогда он взял микрофон и начал петь с Го Цяо, как два идиота, Цао Цзюнь даже говорил не в такт, но Го Цяо попадал в ритм, одновременно подпевая и подтанцовывая.

После песни "Бедные и счастливые" наступила очередь "Ярости", и они отлично провели время. Позже Цао Цзюнь настолько вышел из себя, что отбросил микрофон и потащил Го Цяо танцевать. Го Цяо посмотрел на Цао Цзюня и прищурил глаза, он знал, что Цао Цзюнь определенно страстная натура.

Цао Цзюнь танцевал и подцепил вилкой торт Го Цяо, чтобы накормить его, Го Цяо открыл рот, чтобы взять его, Цао Цзюнь схватил торт и впечатал в лицо Го Цяо.

Тот не хотел сдаваться, они ели и игрались, в результате чего оба они перемазались в торте, и глядя друг на друга, не могли не смеяться.

Без лишних глаз, двое развлекались и хорошо проводили время, но позже это превратилось в сольный концерт Го Цяо, это были более классические песни.

Цао Цзюнь не мог удержаться, поэтому он сел в стороне, чтобы выпить и насладиться пением Го Цяо. Го Цяо на удивление пел действительно хорошо, такой хороший человек, способный, добрый, почтительный, талантливый и красивый, действительно просто сокровище ах! Он должно быть спит, раз ему кажется, что тот действительно теперь с ним.

Они пели почти до полуночи, прежде чем они вышли из KTV, ночь была тяжелой, снаружи все еще было шумно, Цао Цзюнь протянул руку, взял руку Го Цяо в свою и спрятал ее в карман пальто.

Го Цяо посмотрел на мигающий неон, на оживленные улицы, и вдруг появилось чувство, что его сердце полностью успокоилось. Шумный и оживленный город, есть рука, за которую он может схватиться. Хотя он не смог сам построить фундамент, он больше не был в растерянности и одиночестве, и это был лишь вопрос времени, когда у него появится цель. Не отпуская руки, они с Цао Цзюнем медленно пошли по улице.

Когда они вернулись домой, Го Цяо поспешил покормить живность. После того как мех маленьких шиншилл высох, шерсть распустилась, как колючки ежа, и весь этот пушистый беспорядок был особенно милым, они не боялись людей и любили двигаться в руках Го Цяо.

Всякий раз, когда они видели Го Цяо, то очень волновались и скучали. Но Го Цяо последовал инструкциям из интернета и не дал им совместную клетку

Капусте же приходилось ждать возвращения Го Цяо, чтобы облизать своих детей.

В это время кошка сидела у клетки и с любопытством смотрела на маленьких шиншилл в руках Го Цяо, а Го Цяо подносил их к ее носу: "Поздоровайся, Картошка, эти два малыша теперь будут твоими маленькими друзьями, так что тебе не будет одиноко". Маленькие шиншиллы будут хорошо ладить с кошкой, если будут расти вместе.

Картошка смотрела на маленьких шиншилл с серьезной мордой, как старик, не отрываясь. Редиска громко пицала в своей клетке от беспокойства, как и Капуста, поэтому Го Цяо пришлось положить малышей в клетку Капусты, чтобы тот смог получить немного удовольствия.

Цао Цзюнь позвал его снаружи: "Го Цяо, подойди на минутку".

"В чем дело?"

"Ты узнаешь, если придешь".

Го Цяо увидел, как Капуста осторожно играет со своими двумя детенышами и вышел.

Го Цяо спросил: "Чего?".

"Закрой глаза",- сказал Цао Цзюнь.

Го Цяо нахмурился: "Что?".

"Сначала закрой. И протяни руку".

Го Цяо пришлось закрыть глаза и протянуть руку, Цао Цзюнь взял что-то и положил в руку Го Цяо, это что-то было холодным: "Хорошо, открой глаза".

Го Цяо открыл глаза, посмотрел на серебряную белую цепочку на своей руке, поднял глаза на Цао Цзюня.

Цао Цзюнь сказал: "Эта цепочка для тебя, твое кольцо точно не будет носиться на руке, используй цепочку, чтобы повесить его на шею".

Го Цяо поднял ее и увидел, что это была чуть более толстая серебряная цепочка, не новая,

должно быть, ее носил сам Цао Цзюнь, он улыбнулся и сказал: "Как заботливо, спасибо". На самом деле он не собирался носить кольцо, он собирался снять его и положить обратно в коробочку на ночь.

Цао Цзюнь уже собирался попросить награду, как вдруг услышал пронзительный писк шиншиллы. Го Цяо бросился назад и увидел, что Редиска в клетке беспокойно прыгает вверх-вниз, а Капуста в панике лежит на боку клетки и нервно дергается. Кошка придерживала лапами маленький черный клубок меха. Го Цяо поразился: "Где еще один? Картошка, ты же не съела его?".

Го Цяо поспешно опустился на колени и поднял маленького черного детеныша, он не выглядел раненым, а затем заглянул в клетку, маленький серый детеныш все еще был рядом с Капустой, этот маленький черный детеныш, вероятно, выбежал сам, он вылез за такое короткое время, это был действительно активный парень.

Го Цяо протянул руку и погладил кошку по голове: "Извини, я поторопился, ты хорошая". Он положил маленького черного детеныша в клетку Редиски, и та, наконец, перестала прыгать вверх-вниз и напряженно обнюхивала своего детеныша. Го Цяо увидел, что это небезопасно, и схватил маленького серого детеныша и тоже вернул его в клетку Редиски.

Цао Цзюнь обнял его за плечи и сказал: "Растить такую большую семью - действительно не очень хорошая идея, давай потом отдадим этих двух малышей". Дело в том, что они действительно мешают им жить.

Го Цяо сказал: "Четыре шиншиллы - это разве много?"

"Четыре — это слишком шумно. Достаточно двух, раздай их". Цао Цзюнь не хотел, чтобы Го Цяо тратил слишком много времени на своих питомцев: "Ты будешь слишком занят, чтобы заботиться о них, когда начнешь свой собственный бизнес".

Го Цяо почувствовал, что Цао Цзюнь был прав, шиншиллы очень нежные: "Хорошо, давай подождем, пока они отъедятся. Разве Бай Чонг не говорил, что хочет маленькую шиншиллу. Жаль, что его нет в стране".

Цао Цзюнь сказал: "В компании так много коллег-женщин, должно быть довольно много желающих оставить их у себя, их можно отдать им."

Го Цяо посмотрел на маленьких шиншил и сказал: "Я лучше пойду на форум, чтобы найти кого-нибудь, когда придет время, лучше найти профессионалов."

"Как скажешь". В любом случае, лучше отправить их подальше: "Поскорее иди мыться и спать".

Они вдвоем помылись и поднялись в спальню, Го Цяо снял кольцо с руки и надел его на цепочку, посмотрел на нее, и сказал с чувством: "Я никогда не думал, что однажды буду носить и кольцо, и цепочку. Я никогда в жизни не хотел носить украшения, я всегда думал, что для мужчины носить цепочки - это слишком по-девчачьи, или слишком вульгарно. "

Цао Цзюнь взял цепочку и надел себе на шею, затем обнял Го Цяо за талию и прошептал на ухо: "Ты ведь тоже никогда не думал, что влюбишься в парня?".

Го Цяо повернулся и укусил Цао Цзюня за нос: "Да. Это все из-за тебя, большого хвостатого волка, который не перестает бегать за мной".

Цао Цзюнь улыбнулся: "Спасибо".

Го Цяо с чувством сказал: "Вообще-то, тебя нельзя винить во всем этом".

Цао Цзюнь сказал: "Но если бы не я, ты бы точно не пошел по пути геев".

Го Цяо ничего не сказал. Что было правдой, так это то, что он видимо был бисексуалом в лучшем случае.

Если бы не Цао Цзюнь, он бы до сих пор искал женщину, чтобы жениться и завести детей, он бы никогда не вошел в этот круг, чтобы найти мужчину. Может быть, без Цао Цзюня он бы даже не узнал, что ему могут нравиться мужчины. Если бы не Цао Цзюнь, он бы не смог решиться пойти по этому пути, в конце концов, этот путь был слишком девиантен и сложен.

"Спасибо", - пробормотал Цао Цзюнь, целуя губы Го Цяо, поцелуй, который начался с нежности и любви, постепенно становясь интенсивным и глубоким, и вкус которого менялся по мере того, как он продолжался.

Го Цяо был так разгорячен его соблазнением, что начал отвечать ему, и его тело откликалось как будто само по себе, бессознательно. Оба мужчины знают, как удовлетворить себя и друг друга. Они терлись друг о друга с искрами страсти, которые невозможно было подавить. Цао Цзюнь тяжело сглотнул, его сердце разрывалось от желания сделать последний шаг с Го Цяо сегодня.

Они сбросили все барьеры, потираясь и лаская друг друга, кожа к коже, горячие друг от друга, оба были слишком возбуждены, чтобы сдерживать себя.

Рука Цао Цзюня переместилась на напряженный член Го Цяо, и стал энергично тереть его, а затем перевернулся и прижал Го Цяо к себе. Горячая твердь вдавилась в щель между ягодицами, и Го Цяо резко открыл глаза, поняв, что имел в виду Цао Цзюнь: "Подожди...".

Цао Цзюнь поцеловал его в шею и задыхаясь сказал: "Может сегодня?".

Го Цяо прижался к нему, стиснув зубы: "Сегодня?".

Цао Цзюнь на мгновение приостановился, поняв, что имел в виду Го Цяо: "Если ты не хочешь – то не надо".

"Откуда мне знать?! Не то чтобы я не делал этого раньше...",- сказал Го Цяо.

Тело Цао Цзюня на мгновение напряглось: "Как делал?"

Го Цяо ответил: "С бывшей девушкой".

Цао Цзюнь скривил рот и поцеловал мочку уха: "Это не то же самое".

"Ничего не изменилось, просто пусть будет больше смазки". Го Цяо улыбнулся, с тех пор как он был с Цао Цзюнем, он читал много информации, хотя он не практиковался, он не был уж совсем девственником.

Цао Цзюнь долго не отвечал, Го Цяо положил руку на талию Цао Цзюня: "Так ты хочешь сделать это?".

Дело не в том, что Цао Цзюнь не задумывался о проблемах между собой и Го Цяо. Изначально Го Цяо был натуралом, и нереально просить его быть снизу. Сам Цао Цзюнь всегда был сверху, но ради Го Цяо готов был измениться. Поэтому он сжал губы и сказал: "Хорошо, я буду снизу".

Го Цяо не ожидал, что тот так просто согласится, его сердце не могло не быть сильно тронуту, он поцеловал губы Цао Цзюня и посмотрел ему в глаза.

В глазах Цао Цзюня было что-то неопределимое, что заставило его необъяснимо тронуться и умилиться, он крепко обнял Цао Цзюня и, потирая шею, вдруг сказал: "Не надо сегодня, дай мне подумать об этом."

Цао Цзюнь прислушался к его словам и поцеловал его: "Что случилось?"

Го Цяо угрюмо спросил, "Неужели это так больно быть снизу?".

Сердце Цао Цзюня расцвело, и он крепко обнял его: "В первый раз это может быть немного неприятно, но если хорошо подготовиться, и будет длительная прелюдия, то не будет слишком неудобно".

Го Цяо перестал издавать звуки. После такой суеты страсть обоих отступила, и осталось только пульсирующее тепло.

Цао Цзюнь прижал его к себе: "Ладно, не думай так много, сегодня больше не надо, давай спать".

Компания отдыхала двадцать седьмого числа лунного месяца. До весенних каникул Цао Цзюнь не стал искать неприятностей с Цзин Вэйем, он не хотел устраивать беспорядок на Новый год, несчастья просто откладываются после Нового года.

Билеты домой достались на 29-е число лунного месяца, есть еще два выходных, они пошли посмотреть на ремонтируемый дом, бригада оставалась делать ремонт и, возможно, к 15-му числу первого месяца, смогут закончить.

Цао Цзюнь посетовал на трудности мастеров и подарил каждому из них по красному конверту, чтобы поблагодарить их за тяжелую работу. Мастера были очень рады получить красный конверт и сказали, что будут работать как следует. В конце концов, это приятный бонус, помимо зарплаты от их компании.

В конце года Цао Цзюнь вручил Го Цяо щедрую премию в размере 100 000 юаней, сказав, что это награда за успешное проведение продовольственной ярмарки. Го Цяо не стал отказываться, и первое, что он сделал с премией, - вернул ее Цао Цзюню. Цао Цзюнь рассмеялся: "Эти деньги переливались из моего левого кармана в правый, и в конце концов они вернулись ко мне".

Го Цяо потянулся: "Отлично, никаких долгов, после этого года мое невезение полностью закончится, в следующем году я собираюсь сорвать большой куш!"

Цао Цзюнь поджал уголки рта и успокаивающе улыбнулся.

Го Цяо потащил Цао Цзюня покупать вещи к поездке домой. Всем нужно было приготовить подарки, от родителей, от семьи сестры и от семьи старшего дяди, который много заботился о нем в тот период.

Они вдвоем вышли за дверь, и Го Цяо сел за руль, внезапно подумав, что раньше он готовился купить машину, когда разбогатеет, чтобы ездить домой и хвастаться перед родителями.

Потому что мать проявляла зависть к другим семьям, покупающим личные автомобили, это был символ богатства, у его матери тоже было свое тщеславие.

Го Цяо считал, что в этом тщеславии нет ничего плохого, ведь он был первым студентом университета из их деревни, и ему завидовали многие, поэтому вполне логично, что его мать считала, что она должна быть успешнее других. Но за прошедшие годы он так и не продвинулся вперед, а его родители все еще с нетерпением ждали этого.

Но он не сильно волновался, через два года, дом и машина будут и у него, верно? Го Цяо был

полон уверенности.

Они вдвоем пошли на улицу, чтобы купить много вещей, Цао Цзюнь приезжал к семье Го Цяо на Новый год в первый раз, и должен был выбрать несколько хороших подарков.

Го Цяо сказал: "Тебе не нужно покупать подарки всем им, просто купи что-нибудь для родителей. Ты столько всего хочешь купить, ты действительно считаешь себя перспективной невесткой? И не покупай слишком дорогие, только обычные, слишком дорогие вызовут подозрения у семьи, нет необходимости в таких дорогих подарках."

Цао Цзюнь подумал: конечно, я иду не к родственникам, я иду к тестю и теще, конечно, мне нужно что-то дорогое, но если это будет слишком дорого, это вызовет подозрения, поэтому он уступил: "Тогда возьмем немного меньше, ничего страшного, если это дорого, я начальник, нехорошо быть слишком скупым, когда я еду к тебе домой."

"Хорошо, бери поменьше, принеси что-нибудь для моих родителей".

Они вдвоем ходили по магазинам почти весь день и, наконец, собрали все необходимое. После целого дня упаковки вещей они отправили всю живность в приют при зоомагазине и улетели домой.

<http://bllate.org/book/14651/1300990>